

Достаточно было крошечного прокола в шее, чтобы Сюэ Бэйван тихо, во сне, перестал дышать.

Остриё клинка уже прорезало кожу под его подбородком. Стоило надавить чуть сильнее, и сталь вошла бы глубоко в горло.

— Цзюэюй...

Бай Чэнцзюэ замер, удерживая кинжал у самого горла юноши. В тишине безмолвной ночи лишь ветер негромко шелестел листвой в кронах деревьев.

Он медленно опустил клинок. В памяти ожили картины прошлого: как он на полном скаку прорывал оцепление на шумной рыночной площади, как в ледяной воде прижимал к груди полумёртвое тело Сюэ Бэйвана, как срывал тяжёлый железный шлем и касался своими губами его приоткрытого рта, захлёбывающегося речной водой.

Ночная прохлада становилась всё ощутимее, оседая тяжёлой росой. Лежавший у затухающего костра Сюэ Бэйван сжался в комок и невольно пробормотал сквозь сон, что ему холодно.

Бай Чэнцзюэ снял верхнее одеяние и бережно укрыл им раненого.

Сам же он отступил к дереву неподалёку и опустился на землю. Пламя, весело плясавшее между ними, выхватывало из темноты бледное лицо юноши. Тот шевельнул сухими губами, точно в бреду умоляя кого-то не уходить, и снова едва слышно выдохнул:

— Цзюэюй...

Бай Чэнцзюэ вновь надел шлем. Тяжёлое железо, которое он давно не носил так долго, больно натирало шею. Он и в лучшие времена спал чутко, а теперь и вовсе не сомкнул глаз, лишь сидел до рассвета, погрузившись в полузабытьё.

На рассвете послышался тихий стон. Открыв глаза, Бай Чэнцзюэ увидел, что Сюэ Бэйван шевелится, силясь подняться, но лишь беспомощно валится обратно на сырую землю.

— Очнулся? — глухо раздалось из-под железной маски.

Бай Чэнцзюэ поднялся, подошёл ближе и подобрал своё накинутое поверх юноши одеяние. Накинув его на плечи, он бесстрастно уставился на раненого.

Сюэ Бэйван едва заметно кивнул. Он попытался что-то сказать, но во рту мгновенно разлилась едкая горечь крови. Горло точно забило ржавчиной — наружу не вылетело ни звука.

Ещё вчера этот человек в одиночку сдерживал натиск целого войска, а сегодня даже шевеление пальцем отдавалось мучительной болью во множестве глубоких порезов. В таком состоянии он не мог даже сесть, не то что выбраться из глухой чащи.

Юноша горько усмехнулся про себя. Он понимал: для столь могущественного господина, как князь Минь, раненый слуга, не способный даже встать на ноги, — лишь обуза. Его жизнь или смерть не стоили для него и ломаного гроша.

Пересиливая резкую боль, Сюэ Бэйван скользнул рукой за пазуху и вытащил аккуратный сверток. Но стоило ему взглянуть на некогда белую ткань, покрытую бурыми пятнами крови, как перед глазами предстал образ Цзюэюй. Разве мог он преподнести ей эти размокшие, испачканные сладости? Он судорожно сжал шёлковую обёртку, превращая размякшее от воды тесто в бесформенное месиво.

Неужели всё кончено? Неужели ему суждено согнуться здесь, в неизвестности, так глупо и бесславно? Душу обожгло глухое отчаяние.

Стиснув зубы, он предпринял ещё одну отчаянную попытку подняться, но он снова рухнул в грязь. Резкий рывок разорвал едва затянувшиеся края ран, и свежая кровь хлынула сквозь повязки. Потеряв остатки сил, он растянулся на земле. Он бессильно опустил руку, всё ещё сжимавшую шёлковый сверток, в сырую жижу.

Сквозь звон в ушах он уловил приближающиеся шаги. Приоткрыв глаза, Сюэ Бэйван увидел, как фигура в железной маске опустилась рядом. Князь потянул за узел на шёлковой ленте сухими холодными пальцами. Сверток раскрылся, и изувеченные, испачканные кровью пирожные вывалились прямо на грязную ладонь раненого.

Кому предназначался этот гостинец, гадать не приходилось: уходя на опасное задание, воин вряд ли стал бы запасаться изысканными лакомствами для себя. Бай Чэнцзюэ безмолвно смотрел на раздавленный десерт.

Сюэ Бэйван до боли закусил губу и торопливо прижал остатки лакомства к груди, пряча под ладонями, словно бесценное сокровище, которое у него могли отобрать в любой миг.

— Кусок размокшего теста, а дрожишь над ним, будто над величайшей драгоценностью, — безразлично процедил из-за маски князь.

Сюэ Бэйван промолчал. Когда смерть стоит за плечом, глупо тратить последние силы на притворство и угодничество перед господином. Он просто закрыл глаза, желая лишь одного — чтобы его поскорее оставили в покое.

Из складок широкого рукава князя выскользнул увесистый кошель. Звон серебра у самого уха раненого прозвучал как приговор.

— Это твоя плата за верность. Ты ведь звался Ванбэем, верно? — Бай Чэнцзюэ неторопливо поднялся на ноги. Из-под холодных прорезей железной личины он смотрел на Сюэ Бэйвана чужим мёртвым взглядом. — Будь покоен, я распоряжусь, чтобы твоё тело предали земле как подобает.

Шаги князя удалились. Его удаляющийся силуэт казался ещё более холодным и беспощадным, чем юноша мог себе вообразить в самых мрачных предчувствиях.

Костёр угасал. В серой золе сиротливо тлели последние угли — точь-в-точь как искра его собственной угасающей жизни.

Сюэ Бэйван с трудом покосился на брошенный в дорожную пыль дорогой шёлковый кошель. Бессильно прикрыв глаза ладонью, он издал хриплый, болезненный смешок.

Каким же дураком он был. Зачем только позволил себе усомниться? Зачем запутался в собственных чувствах, когда увидел, как сильно князь Минь печётся о судьбе Верховной принцессы У? Эта мимолётная слабость и сгубила его.

Озноб пробирал до костей. Должно быть, костёр окончательно затух.

Веки налились свинцом, сознание медленно погружалось в липкий сумрак. И вдруг сквозь этот полусон до него донёсся тихий, отчётливый шорох — шаги по сухим листьям.

С трудом разомкнув веки, он различил сквозь пелену знакомый силуэт. Ему почудилось, будто перед ним стоит Цзюэюй.

«Надо же... — вяло подумал он. — Говорят, перед смертью видишь то, что дороже всего твоему сердцу. Значит, я больше всего хотел вновь увидеть тебя, моя прекрасная Цзюэюй...»

Железный шлем валялся на траве. Опустившись перед раненым на колени, Бай Чэнцзюэ со сложным чувством вглядывался в его осунувшееся лицо. Он мягко коснулся бледных, обметанных жаром губ Сюэ Бэйвана. Он скользнул пальцами ниже, к прижатому к груди грязному узелку со сладостями, и Бай Чэнцзюэ грустно и нежно улыбнулся.

Юноша заворочался и снова, уже в бреду, едва слышно простонал её имя.

Бай Чэнцзюэ на миг замер. Без этой уродливой личины он чувствовал себя по-настоящему живым и свободным, словно сбросил неподъёмные оковы. Накрыв своей ладонью ледяные пальцы Сюэ Бэйвана, он негромко ответил:

— Я здесь.

Раненый едва заметно улыбнулся в ответ. В этот миг его лицо лишилось привычной маски покорного слуги, став удивительно беззащитным и чистым.

— И зачем я только это делаю... — вздохнул Бай Чэнцзюэ.

Он осторожно взвалил обмякшее тело себе на спину. Личина, созданная когда-то лишь для забавы и коварной игры, обернулась для умирающего воина единственной нитью, связывающей его с жизнью.

Жестокий князь Минь ни за что не стал бы спасать никчёмного слугу. Но хрупкая дева Цзюэюй не могла поступить иначе.

Когда они преодолели половину пути через лес, Сюэ Бэйван немного пришёл в себя. Доверчиво уткнувшись лицом в плечо своего спасителя, он едва слышно пробормотал:

— Как сладко пахнет...

— Молодой господин Сюэ? — позвал его Бай Чэнцзюэ.

Не размыкая век, юноша горько прошелестел:

— Какая глупость... До чего же правдоподобный бред.

Голос его звучал хрипло и натужно, словно связки обожгло расплавленным металлом.

— Это не бред. Это я. Я пришла, чтобы забрать тебя домой.

Сюэ Бэйван вздрогнул и распахнул глаза. Тонкий, знакомый аромат шёлковых волос действительно мешался со свежим запахом пролитой крови. Каждое движение причиняло ему невыносимую муку.

Теперь, когда бред отступил, его воля дала слабину, уступая место нахлынувшей беспомощности.

Бай Чэнцзюэ, помня о своей роли изнеженной красавицы, намеренно оступился, притворно покачнувшись под его тяжестью и лишь затем упрямо выровнял шаг.

— Я слишком тяжёлый для тебя... Опустим меня на землю.

— И не подумаю. Ты ведь и шагу ступить не можешь, — в голосе Бай Чэнцзюэ послышались плаксивые нотки, словно он вот-вот расплачется от жалости. Он покрепче перехватил бёдра

юноши. — Куда тебя унесло? Почему ты вечно возвращаешься весь в крови?

Сюэ Бэйван тихо, ласково рассмеялся:

— Глупенькая... Мне совсем не больно. Эти раны... кхе... только с виду страшные, а на деле — пустяк. Ну же, послушайся меня, опусти.

— Нет. Я донесу тебя.

Сюэ Бэйван уткнулся лбом в его шею. Если прежде его пленила лишь неземная красота Первой красавицы, то теперь эту израненную душу без остатка заполнил сам человек, несущий его на себе сквозь лесную глушь.

Спустя долгое время он едва слышно прошептал, словно в забытьи:

— Ты такая чистая, прекрасная... Как я вообще посмел мечтать о тебе?

Бай Чэнцзюэ замер, и кровь словно заledenела в его жилах. Прокатившиеся в сознании слова Сюэ Бэйвана заставили его остановиться. Несколько долгих секунд он стоял неподвижно, прислушиваясь к биению чужого сердца у себя за спиной, а затем вновь упрямо зашагал вперёд.

Если отбросить все тайны, маски и безжалостность князя Миня... Разве мог он, будучи лишь Первой красавицей из Терема Сотни Цветов, остаться равнодушным к столь искренней и чистой преданности этого юного господина?

Тихо вздохнув, он покрепче перехватил свою ношу.

Добравшись до уединённого дома, который Сюэ Бэйван некогда обустроил для неё, Бай Чэнцзюэ бережно опустил раненого на постель и помог ему снять пропитанные грязью и кровью одежды. Лишь теперь он в полной мере осознал, какую цену заплатил юноша, закрывая своего князя от вражеских клинков. На его теле не осталось живого места — глубокие, страшные порезы покрывали грудь и плечи.

Обмакнув пальцы в прохладное целебное снадобье, Бай Чэнцзюэ принялся осторожно обрабатывать раны. Стоило коснуться израненной кожи, как Сюэ Бэйван сквозь сон жалобно застонал.

— Ишь какой... — тихо и печально усмехнулся Бай Чэнцзюэ, дую на свежий порез. — Раз чувствуешь боль, зачем подставлялся под мечи ради меня?

Ответа не последовало — юноша окончательно провалился в глубокий, целительный сон. Бай

Чэнцзюэ мягко вздохнул и продолжил аккуратно распределять мазь по его телу.

— Или ты со всеми такой, глупый Сюэ Бэйван?.. Просто по природе своей не умеешь иначе?

<http://bllate.org/book/18210/1751509>